

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Мы все хорошо знаем, что русская литература возникла не в XVIII в. Знаем и то, что в древней русской литературе есть памятники непреходящей ценности: "Поучение" Владимира Мономаха, "Слово о полку Игореве", "Моление" Даниила Заточника, "Хождение за три моря" Афанасия Никитина, Житие протопопа Аввакума, "Повесть о Горе Злочастии". Но этими памятниками ни в коей мере не исчерпывается все то ценное, что дала нам древняя русская литература.

В далеко неполной и незавершенной картотеке академика Н. К. Никольского, посвященной древнерусскому рукописному наследию, собрана 9220 карточек на русских авторов XI-XVII вв. Список русских анонимных названий книг и сочинений включает 2360 карточек. Алфавитный список русских произведений житийной литературы имеет 8025 карточек, русских сказаний об иконах - 1158 карточек, русских сказаний о церквах и монастырях - 655 карточек, паломников и посольств - 750 карточек, хроник и хронографов - 425 карточек, летописей общерусских и областных - 1211 карточек, летописных исторических сказаний - 935 карточек, воинских повестей - 557 карточек, повестей переводных и русских, преимущественно светского характера - 4056 карточек, полемических произведений по религиозным вопросам - 738 карточек, азбуковников, грамматик и словарей - до 547 карточек и т. д.¹

Но дело не только в том, что древняя русская литература охватывает целых семь веков, что произведений в древнерусской литературе было много, что работа над их перепиской и переделкой шла постоянно и очень интенсивно, - самое существенное в том, что древняя русская литература отнюдь не стояла на одном месте, что она развивалась, что в ней были представлены разные литературные стили в изображении человека - стили искусные, "ложные, своеобразные, а главное, разнообразные.

Было время, когда историки литературы изучали в древней литературе по преимуществу ее богатые традиции, повторяемость мотивов и стилистических формул: житийных, воинских, летописных и т. д. Древняя русская литература представлялась поэтому чем-то неподвижным, неизменяемым, косным и поэтому малоинтересным. До сих пор в некоторых обобщающих историко-литературных работах о древней русской литературе пишут как о чем-то едином, она берется в ее целом и характеризуется (весьма приблизительно) суммарно, как некое неизменяемое явление.

Иногда представляется, что древняя русская литература почти ничем не связана с литературой новой и что изучение ее не может иметь особого интереса для установления закономерностей историко-литературного развития, для определения национального характера русской литературы и т. д.

Между тем великая новая русская литература родилась не в XVIII в. и не в Петербурге: она явилась вершиной многовекового развития всей русской литературы на всей русской территории. Русской литературе тысяча лет: первые памятники переводной и оригинальной русской литературы появились еще в X в. Уже в X в. делались, по-видимому, отдельные исторические записи² и была создана на основе переводных материалов замечательная по мастерству обзора всемирной истории "Речь философа"³.

Многочисленность литературных форм была показана выше только на одном примере: на примере смены стилей изображения человека. Однако также росло многообразие жанров, углублялись и разнообразились стили литературного языка, усложнялась система изобразительных средств литературы, развивались идейные противоречия, углублялась классовая дифференциация литературы, появлялись первые литературные направления и т. д.

Основные литературные категории обычно рассматриваются в различного рода трудах по теории литературы в "готовом виде" - как будто бы все они существовали извечно. Между тем они имеют историческое происхождение, а часть из них постепенно развилась в литературе X-XVII вв. Не сразу появились в русской литературе типизация, литературный вымысел, литературный пейзаж и т. д. Особенно сложен был путь совершенствования изображения человека. Этот путь ни в коем случае нельзя представлять себе в виде ровного и неуклонного подъема. Литература развивается не по прямой. Ее развитие нельзя представлять себе и так, как мы представляем себе совершенствование научного познания мира: в виде постепенного накопления знаний.

Художественное познание мира совершается в недрах стилистических систем. Стилистические же системы сменяют друг друга скачкообразно. Здесь не может быть постепенности в развитии, ибо изменение одного какого-либо элемента системы нарушает ее внутреннее единство и влечет за собой переустройство всей стилистической системы - создание новой системы. Действительность, воздействуя на стилистическую систему, заставляет ее перестраиваться не механически, не только в отдельных элементах, а творчески, в ее целом, создает новую систему⁴.

Вместе с тем в каждой из систем в силу ее внутренней стройности имеются свои непреходящие ценности. Каждая новая стилистическая система вырастает на основе предшествующих, но некоторые из их существенных достоинств могут в этой новой стилистической системе оказаться утраченными. Всякая стилистическая система, внутренняя законченность которой возникла на основе полного воздействия действительности своего времени, сама по себе обладает непреходящей эстетической ценностью. Эстетическую ценность имеют для нас и стилистическая система монументального историзма XI-XIII вв., и система экспрессивно-эмоциональная XIV-XV вв., и все последующие.

Различные стилистические системы не только сменяют друг друга, но я сосуществуют в отдельных жанрах. В средневековой литературе жанры играли более существенную роль, чем в литературе нового времени, и были более отделены один от другого. Разные стилистические системы могли одновременно сосуществовать в различных жанрах. Так, в летописи долго удерживается стиль монументального историзма, а в хронографах - эмоционально-экспрессивный. Наиболее полное выражение барокко получило в силлабической поэзии, драматургии, проповеди. Жанры конденсируют в себе отдельные стилистические системы, служат их выразителями.

Не следует думать, что древнерусский автор XI-XIII вв. потому только не изображал в летописи психологию людей, их внутреннюю жизнь, что он не знал этой психологии, не видел этой внутренней жизни или "не умел" их изобразить.

Литературное развитие в этом случае могло бы быть представлено в виде своеобразного "овладения мастерством", нарастания техники литературного дела или в виде одного только однообразного накопления познавательных открытий. Предполагать так - значило бы до чрезвычайности упрощать проблему литературного развития, да и самого литературного творчества в целом.

В самом деле психологические наблюдения в XI-XIII вв. были гораздо значительнее, чем они представлены в летописании того же времени. Политические деятели явно считались с психологией своих противников, союзников и людских масс. Это особенно отчетливо видно по летописным описаниям переговоров между князьями; это видно и в ораторской прозе, в которой искусство убеждения достигало высокого развития. Психологию людей в известной мере знали и теоретически: некоторые из церковно-проповеднических произведений XI-XIII вв. это блестяще доказывают⁵. Мы не касаемся сейчас вопроса о том, насколько эти представления о внутренней жизни людей были глубоки: это дело историков науки⁶. Для нас важно в данном случае лишь то, что они были и что их было, во всяком случае, больше, чем они отразились в летописном монументальном стиле XI- XIII вв. А не применялись они, потому, что этого не требовали те задачи, которые ставил перед собой летописец. Именно поэтому летописей, не углублялся и в изображение быта, хотя он его знал, жил, окруженный этим бытом; не углублялся он и в изображение празднично торжественных архитектурных сооружений XI-XIII вв., хотя некоторые из этих сооружений воздвигались близкими ему людьми; не давал он и изображения пейзажа, хотя чувство природы было широко развито в древней Руси⁷.

Так же точно и в древнерусской живописи. Древнерусский художник, например, изображал здания в относительно уменьшенных размерах. Иногда эти здания оказывались меньше соседних с ними человеческих фигур, иногда вровень с ними, иногда же несколько выше, но незначительно. И это происходило не потому, что древнерусский художник "не видел" реальной высоты зданий или "не умел" эти здания изобразить в их реальных пропорциях, а потому, что изображение действительных размеров зданий не входило в его задачи. Он писал людей крупными и на переднем плане, а здания в уменьшенных размерах и на втором плане, ибо человек был для него важнее зданий. Он соотносил размеры изображаемого с тем значением, которое он ему придавал. Он не стремился в своих произведениях создать и л л ю з и ю д е й с т в и т е л ь н о с т и. Он изображал ее сущность, ее "смысл", иногда сокровенный, и при этом так, как он их понимал. И это обстоятельство следует учитывать не только при изучении древнерусской живописи, но и при изучении древнерусской литературы. Писатель в первую очередь изображал то, что он хотел изобразить, и только плохой писатель не справлялся со своей задачей. В тех же случаях, когда перед писателем возникали особые, иные задачи, он мог переступить за пределы привычного ему художественного метода.

Так, например, когда перед древнерусским автором вставала задача наглядно описать то или иное событие, поступок, некоторые обстоятельства происшедшего, наружность действующего лица и т. п., он мог это делать с отдельными элементами наглядности и конкретности. Так, например, тяготением к наглядности отмечены повести о междукняжеских преступлениях, а именно - описания самих преступлений. И это происходило потому, что авторы этих повестей хотели убедить читателя в

полной правдивости ими описанного, ужаснуть, возмутить читателя, создать рассказ документальный, точный, вселяющий убеждение в действительности всего происшедшего, обладающий элементами реалистичности⁸.

Здесь уместно обратить внимание на употребление слов "реалистичность", "элементы реалистичности" или "средневековый реализм" в работах по древней русской литературе. Конечно, никто из историков древнерусской литературы не предполагает и не может предполагать, что в древней русской литературе было уже в элементах или целиком то литературное направление, которое, как известно, возникло в русской литературе только в XIX в.⁹

С реальной многозначностью слов "реализм" и "реалистичность" необходимо считаться каждому реалистически мыслящему теоретику-литературоведу. По отношению к древней русской литературе эти слова означают лишь более или менее "реальное", близкое реальности, натуре, "похожее" изображение действительности. Эти отдельные элементы реалистичности в изображении действительности не были в древней русской литературе подчинены определенному, сложившемуся художественному методу или литературному направлению. Они могли возникать там, где нарушалась одна из нереалистических стилистических систем средневековья под влиянием требований действительности (как в повестях о княжеских преступлениях) и при содействии другой, ломающей господствующую, но тоже нереалистической системы изображения (например, систем фольклора XI-XVII вв.).

Этими нарушениями литература двигается вперед ко все новым и новым системам. Но самые нарушения этих систем не составляли еще того кардинально нового начала, которое могло приближать древнерусскую литературу к новой литературе путем якобы простого, механического накопления элементов реалистичности. Эти элементы реалистичности появлялись в литературе и вновь исчезали, не составляя своей стилистической системы, не формируясь в какой-нибудь особый художественный метод.

Литература двигалась вперед под влиянием действительности. Эта действительность нарушала системы и кристаллизовала новые. Каждая новая система, утрачивая что-то своеобразное и неповторимое, присущее предшествующим системам, оказывалась шире и значительнее предшествующей, вводя новые художественные средства, новые жанры, расширяя круг художественных возможностей литературы, ее роль в общественной жизни и т. д.

В целом развитие русской литературы XI-XVII вв. было прогрессивным, литература постепенно приближалась к литературе нового времени, создались условия для возникновения и развития литературных направлений нового времени: классицизма, романтизма, реализма. Но древняя русская литература, подготовившая почву для развития великой русской литературы, создавшая условия для восприятия ценностей всей мировой литературы, сама обладала непреходящими ценностями.

Было время, когда историю русского искусства начинали с XIX в., хотя самый факт существования произведений искусства в древней Руси был хорошо известен. Потом открыли XVIII век, открыли и великое искусство древней Руси, привлекающее сейчас пристальное внимание всего культурного человечества.

"Открытие" древней русской литературы совершается несравненно медленнее. Открыть красоту древней литературы труднее, чем древнего искусства. Увидеть легче, чем прочесть, особенно на языке, ставшем чужим.

Работы Ф.И. Буслаева были первыми, которые обратили внимание на художественную сторону древней русской литературы. Многие сделали для изучения художественной сущности русской литературы XI-XVII вв. А.С. Орлов, В.П. Адрианова-Перетц, Н.К. Гудзий, И.П. Еремин, В.Ф. Ржига. Предстоит сделать еще больше, ибо "доступность" древней русской литературы несравненно меньше доступности древнего русского искусства.

Между первым изданием этой книги, вышедшим в 1958 г., и вторым появилась моя книга "Поэтика древнерусской литературы" (Л., 1967). "Поэтика древнерусской литературы" по-иному исследует проблемы художественности древней русской литературы. Главным в ней являются не стили изображения, а отдельные аспекты художественности. Она посвящена не истории, а статике, не стилям, а способам.

В дальнейшем я предполагаю выпустить книгу, посвященную развитию древней русской литературы в целом, которая могла бы явиться продолжением моей книги "Возникновение древней русской литературы", вышедшей в 1952 г.

Создание теоретической книги, посвященной развитию русской литературы X-XVII вв., ее научной истории - дело очень сложное. Оно требует длительных изысканий. Теоретическая история не должна вытесняться фактографией, анализ - описательностью. Когда эта книга будет закончена, сама проблема построения теоретической истории древней русской литературы будет только начата. Описательные истории древней русской литературы, существующие ныне, также не будут ею отменены. Они всегда останутся необходимыми для изучения фактической стороны литературы, для первых ознакомлений с движением литературы.

Построение теоретической истории древней русской литературы крайне затруднено тем, что фактическая сторона древней русской литературы исследована очень плохо. Только тогда, когда будет сделана первая попытка создать теоретическую историю древней русской литературы, будет ясно, как плохо мы знаем ее фактическую сторону и сколько произведений остаются неизданными или изданными плохо - по случайным спискам, без предварительного текстологического изучения рукописей.

Какие проблемы изучения древней русской литературы стоят перед исследователями, достаточно ясно из книги "Актуальные задачи изучения русской литературы XI-XVII веков" (Труды Отдела древнерусской литературы, т. XX. М -Л., 1964).

Чтобы дать представление о том, как плохо и как недостаточно издано литературное наследие древней Руси, напомним хотя бы, что до сих пор полностью не изданы ее самые крупные произведения: Великие Четыи минеи митрополита Макария, Пролог, Еллинский и Римский летописец, Измарагд и многие другие. Не изданы такие значительные памятники переводной литературы, как Хроника Манассии или

Диоптра. Не создано полных собраний сочинений Аввакума, Максима Грека, Симеона Полоцкого. Много опущений в издании житий и произведений ораторской прозы.

Будем надеяться, что изучение первых семи веков русской литературы привлечет к себе молодых исследователей и принесет им радость открытий, радость введения в науку новых и новых памятников. Древнерусское рукописное книжное наследие одно из самых богатых и одно из самых неизученных.

Если эта книга поможет поколебать традиционно сложившиеся несправедливые представления о древней русской литературе как о бедной литературным развитием, то цель книги в известной степени будет достигнута. Но если книга эта убедит непредубежденных читателей и в том еще, что изучение общих закономерностей развития русской литературы невозможно без основательного знания литературы древней, то цель ее окажется достигнутой с превышением.

Заклячая книгу, мне хотелось бы привести здесь слова П. Я. Чаадаева, которыми он заканчивает свое третье философическое письмо: "Прощайте, сударыня. Вполне в вашей власти заставить меня продолжить мои рассуждения об этом предмете, сколько вам будет угодно. Впрочем, к чему в душевной беседе, где собеседники вполне понимают друг друга, разрабатывать и исчерпывать до конца каждую мысль? Если того, что я сказал вам, достаточно, чтобы изучение истории могло дать вам нечто новое и возбудить в вас более глубокий интерес, чем какой оно вызывает обыкновенно, я буду вполне удовлетворен"¹⁰.

¹ Пользуюсь данными, собранными в неопубликованной статье покойного Н. Н. Зарубина "К вопросу об изучении русской средневековой литературы". Под карточками имеются в виду и собственно карточки на отдельных авторов и отдельные сочинения и конверты, включающие несколько карточек на однородные сведения.

² М. Н. Тихомиров. Происхождение названий "Русь" и "Русская земля". "Советская этнография", сборник статей, VI-VII, М.-Л., 1947, стр. 63-66.

³ История русской литературы в < трех томах, г. / (Литература X-XVIII веков). М.-Л., 1948, стр. 41. А. С. Львов считает "Речь философа" цельным переводным сочинением ("Исследование "Речи философа". - Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология, М., 1968, стр. 333-396).

⁴ См. "Вступительные замечания", прим. 1.

⁵ См. работу В.П. Адриановой-Перетц: К вопросу об изображении "внутреннего человека" в русской литературе XI-XIV вв. Вопросы изучения русской литературы XI-XX вв. М.- Л., 1958.

⁶ См.: М. В. Соколов. Психологические воззрения в древней Руси. Сб. "Очерки по истории русской психологии". М., 1957.

⁷ Чувство природы сказывалось, между прочим, в выборе места для построения городов, монастырей или загородных дворцов князей. Ср. некоторые древнейшие известия летописей: "Даниилу же королеви идушу ему по езеру, и виде при брезе гору красну и град бывши на ней прг.же, именовъ Р а й" (Ипатьевская летопись. Изд. 1871 г., под 1255 г.); "Яздяшу же ему (Даниилу Галицкому. - Д.Л.) по полю и ловы деюшу, и виде место красно и лесно на горе, обходящу округ его полю, и вопреша тоземець: "Како именуется место се?" Они же рекоша: "Холм ему имя есть". И возлюбил место то и помысли, да сожигеть на немь градеи мал" (Ипатьевская летопись, под 1259 г.). О развитии чувства природы в древнемосковском обществе см.: И. Забелин. Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873, глава I; И. Я. Яхонтов. Жития святых северо-русских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881, стр. 234 и др. Однако литературный пейзаж в его типичной для последующей литературы функции отсутствует в древнерусской литературе до XVII в. Природа изображается в древнерусской литературе главным образом в ее символическом или назидательном значении (согласно словам псалма 18: "Небеса проповедуют славу божию и о делах рук Его вещает твердь"); такова природа в "Слове на антипасху" Кирилла Туровского или в "Поучении" Владимира Мономаха. В иных случаях явления природы упоминаются только тогда, когда они участвуют в событиях человеческой жизни (ср. в "Слове о полку Игореве" или описание в Повести временных лет под 1024 г. грозы, разразившейся во время Ливенской битвы).

⁸ См. подробнее раздел "Повести о княжеских преступлениях" в моей книге "Русские летописи" (М.-Л., 1947, стр. 215-247).

⁹ Выражение "правдивое изображение действительности" вряд ли может быть принято в качестве термина, ибо выражение это не только громоздко, но и неточно; всякое искусство (если оно только искусство) правдиво и всякое в той или иной степени объективно или субъективно изображает действительность.

¹⁰ М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908 стр. 273.